

По ту сторону «Маски»

Теодор Курентзис привез в Москву свое новосибирское портфолио

Независимая — 2005 — 6 апр. — с. 7

Анна Ветхова

Гастроли Новосибирского театра оперы и балета в Москве в последнее время не такая уж и редкость. Работы театра регулярно номинируются на соискание премии "Золотая маска", и неоднократно солисты Новосибирской оперы и проекты театра становились лауреатами этой премии. В прошлом году новосибирцы увезли из Москвы сразу три маски, и все — за спектакль "Жизнь с идиотом" — сложнейшую оперу Альфреда Шнитке. В этом году новосибирская "Аида" претендует на "Золотую маску" сразу в шести (!) категориях.

Ровно год назад в Новосибирскую оперу пришел новый худрук и главный дирижер Теодор Курентзис и теперь всю осуществляет там "тотальную реконструкцию": молодой маэстро, хорошо известный в Москве и Питере работой с ведущими симфоническими оркестрами и своими оперными постановками, по всей видимости, задался целью охватить все музыкальные пласты как по части созданного композиторами, так и по части существующих традиций исполнения. Кроме романтического репертуара, без которого ни один

При всем несовершенстве управляемых Теодором Курентзисом коллективов поразительно, насколько податливым оказался попавший в его руки материал. И если на одну чашу весов положить замечания по поводу не очень качественного тембра как оркестра, так и ансамбля, то другая чаша, безусловно, перевесит. Музыканты беспрекословно следуют за пластичными руками маэстро, выполняя, насколько хватает им мастерства, все его требования безоговорочно. Более того, им удалось освоить непривычную, новую стилистику, которую разносторонне образованный маэстро внедряет на всех уровнях, начиная от абсолютно неромантического (в традиционном понимании) прочтения романтической музыки, до освоения нерепертуарных произведений современных композиторов.

Следуя в своих творческих поисках за новациями европейских музыкантов, исповедующих аутентичное прочтение композиторского текста, Курентзис нашел свой ключ к "Немецкому реквиему" Брамса, сделав из этой традиционно мощной, подавляющей своей грандиозностью и страстями партитуры вещь насколько возможно камерную, церков-

происходит на балу, есть моменты, решенные Чайковским в общей стилистике оперы — романтической, — это разговор Томского, Сурина и Чекалинского и знаменитая ария Елецкого ("Я вас люблю, люблю безмерно"), которую не очень удачно исполнил московский певец Олег Ромашин. Здесь попытка Курентзиса выровнять нервный подтекст Чайковского, пользуясь теми же приемами, что и в Брамсе, не показалась мне убедительной: струнная группа, в тембральном отношении столь важная для Чайковского, утонула в общем звучании оркестра, лишив партитуру свойственных ей особенных красок. Зато вставной номер — знаменитая пастораль "Искренность пастушки", написанная Чайковским как стилизация оперной манеры конца XVIII века, прозвучала на редкость легко, прозрачно и действительно как стилизация (очень хороши были певцы: Марина Поплавская, Наталья Емельянова и Михаил Давыдов).

Что же до блока современной музыки, то здесь Курентзису чуть не изменило нигде. И если ранняя партитура Гии Канчели "Светлая печаль" стала все же не совсем убедительным финалом программы, то испол-

Какими станут интерьеры Новосибирской оперы, мы можем пока только предполагать, зато творческая часть, судя по московским гастролям, обновляется активно

оперный театр существовать не может, Курентзис активно исполняет музыку XX века и эпохи барокко, для стилистически грамотного прочтения которой он создал в Новосибирске камерный оркестр Musica Aeterna Ensemble и, совместно с главным хормейстером театра Вячеславом Подъяельским, — камерный хор New Siberian Singers.

Нынешние гастроли театра и существующих внутри него исполнительских коллективов в Москве выходят за рамки фестиваля "Золотая маска". Помимо представления номинированной "Аиды", музыканты выступили с двумя концертными программами, в которых Курентзис продемонстрировал все, чему успел за год обучить своих подопечных. Сегодня речь о первой программе, которая была исполнена в Большом зале Московской консерватории и включала европейскую и русскую романтику — Брамса и Чайковского и европейскую и постсоветскую современную музыку — произведения венгра Дьердя Куртага и грузина Гии Канчели.

ную, выявив в ней много барочных, баховских — и эмоционально, и архитектурно — строгих черт, соседствующих с чуть "подсобранным" маэстро романтически страстным высказыванием в кульминациях. Курентзис развивает музыкальное пространство на несколько уровней, помещая каждую определенную эмоцию, каждое состояние словно бы в свой, обособленный мир. Он не раздувает звук и не ведет к кульминациям, он не просит музыкантов вибрировать — ни инструментами, ни голосами, и получается музыка очень прозрачная, многомерная, полифоничная и — очень неожиданная. Кроме того, нельзя не отметить приглашение для исполнения соло в "Немецком реквиеме" замечательного московского баритона Михаила Давыдова, которому эта стилистика оказалась очень близка.

Однако подобный подход к фрагменту из оперы Чайковского "Пиковая дама" оправдывает себя не везде. В третьей картине, действие которой

происходит в начале второго отделения "Надгробия для Штефана" для гитары и инструментального ансамбля Дьердя Куртага (солист — Аркадий Бурханов) порадовало тем, насколько освоили музыканты сонористические приемы композитора и как ясно они представляют себе совсем другое, в отличие от топового репертуара, течение времени в совсем другом пространстве.

Уже совсем скоро, в мае, Новосибирский театр оперы и балета, называемый "Сибирским Колизеем", отметит 60-летие. Ровесник Победы во Второй мировой, этот театр создавался, что называется, вопреки и за эти годы во многом оправдал свою миссию. В этом сезоне Колизей активно реконструировали, и так совпало, что изменения в нем происходили сразу и на "бытовом", и на творческом уровнях. Правда, каким станет интерьер дома Новосибирской оперы, мы можем пока только предполагать, зато творческая часть, судя по московским гастролям, обновляется активно.